
— Василий Ерофеев —
Там, где кончаются дороги

Василий Ерофеев

Там, где кончаются дороги.

«Автор»
2026

Ерофеев В. И.

Там, где кончаются дороги. / В. И. Ерофеев — «Автор», 2026

Двадцать лет война опустошает земли, разрушает семьи и меняет человеческие судьбы.Глеб Воронцов, бывший капитан, давно оставил службу и пытается жить обычной жизнью в маленьком городке. Но прошлое не отпускает его.Впереди — дорога, на которой ему вновь придётся столкнуться с жестокостью, чужими судьбами и собственной совестью.«Там, где кончаются дороги» — история о войне, человечности и о том, как трудно порой остаться человеком.

© Ерофеев В. И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Мост 5
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Василий Ерофеев
Там, где кончаются дороги.

Глава 1. Мост

ТАМ, ГДЕ КОНЧАЮТСЯ ДОРОГИ

Глава первая. Мост

На двадцатом году войны в Вереске перестали звонить колокола.

Большой сняли ещё прошлой осенью. За ним приехали из столицы шесть солдат и чиновник в меховой шапке. Чиновник долго объяснял городскому старосте, что бронза нужна для орудий, что государство переживает трудные времена и что каждый верноподданный должен принести посильную жертву ради скорой победы.

Победу обещали к весне.

Кузнецы три дня разбивали колокол на части. Когда последнюю погрузили на телегу, старый звонарь сел прямо на ступени церкви и заплакал. Никто не стал над ним смеяться. В Вереске давно научились не смеяться над чужими слезами.

Малый колокол оставили для похорон.

Но в феврале забрали и его.

Теперь, когда в городе кто-нибудь умирал, священник отправлял мальчишку обходить дома. Тот стучал в двери и сообщал, кого будут хоронить и когда. Поначалу люди встречали его испуганно, думая, что он принёс похоронное извещение из армии. Потом привыкли.

На войне, которая длилась двадцать лет, люди вообще ко многому привыкали.

К тому, что хлеб становился меньше, а деньги за него требовали прежние. К женщинам, носившим мужские куртки, потому что собственные давно износились. К пустым местам за обеденным столом.

К тому, что здоровый молодой мужчина на улице выглядел непривычно.

И всё-таки в Вереске продолжали жить.

По утрам открывалась пекарня. Мельник Савелий ругался с покупателями. Мальчишки дрались за сараями, девчонки воровали яблоки из церковного сада, а по воскресеньям на площади устраивали торговлю, хотя торговать почти было нечем.

Люди женились, рожали детей, изменяли друг другу, мирились и спорили о ценах на зерно.

Война не остановила жизнь.

Она только сделала её беднее.

✦ ✦ ✦

Глеб Воронцов лежал под восточной опорой моста и слушал, как над головой скрипят доски.

Скрип ему не нравился.

Хороший мост скрипит негромко, когда по нему проходит тяжёлая повозка. Старое дерево отвечает на нагрузку, балки немного играют, железные скобы натягиваются. В этом нет ничего опасного.

Но здешний мост скрипел даже от ветра.

Глеб провёл ладонью по нижней балке, нащупал мокрую трещину и выругался.

— Держи выше.

Стоявший рядом мальчишка поднял фонарь.

— Так?

— Выше, говорю.

— Да куда ещё? Я уже на цыпочках.

Глеб выглянул из-под настила.

Тим стоял на камне, вытянув руку с фонарём. На голове у него была огромная шапка с одним опущенным ухом. Другое болталось на ветру.

— На тот камень встань.

— Там скользко.

— Тогда фонарь дай.

— Ты же сам велел держать.

Глеб выбрался из-под моста, отряхнул колени и посмотрел на мальчишку.

— Тимофей.

— Чего?

— Когда я говорю встать на камень, это значит встать на камень. А не рассуждать о свойствах льда.

Тим усмехнулся.

— А если упаду?

— Будешь знать, что лёд скользкий.

— Добрый ты человек, Глеб.

— Уж какой есть.

Он забрал фонарь, вернулся под настил и ещё раз осмотрел трещину.

Дело было плохое.

На восточном устое каменная кладка разошлась почти на два пальца. Вода проникала внутрь, замерзала по ночам и постепенно выталкивала камни. Две несущие балки почернели от сырости. Третья держалась на железной полосе, которую Глеб поставил четыре года назад.

Тогда ему обещали новый лес.

Лес не привезли.

На следующий год обещали снова.

Потом начался большой набор в армию, и городскому старосте стало не до моста.

Глеб вытянул руку и коснулся крайней балки.

Дерево было мягким.

Он вдавил в него кончик ножа. Лезвие вошло глубоко, почти без сопротивления.

— Чёрт.

— Что там? — спросил Тим.

— Вылезай на берег.

— А инструменты?

— Оставь.

— Их же украдут.

— У кого?

Мальчишка задумался.

— У нас.

— Так вот, пока их не украли, уходи с моста.

Тим нехотя взял ящик и направился к берегу.

Глеб ещё несколько мгновений смотрел на балку. Затем выбрался наружу и распрямился, придерживая поясницу.

Когда-то он мог провести целую ночь в седле, а потом до обеда работать с топором. Теперь достаточно было часа на холодной земле, чтобы спина напомнила о себе.

Пятьдесят три года — не такая уж большая старость.

Но некоторые годы стоили двух.

Он поднялся на мост.

Под ногами тянулись кривые доски, по краям торчали ржавые гвозди. Ниже текла Рудная — узкая, чёрная среди заснеженных берегов река. Вода шумела о камни, огибала остатки старых свай и уходила на север, к мельничному пруду.

Когда-то по этой дороге ходили караваны с солью, вином и тканями. На ярмарках здесь торговали купцы из трёх королевств. Глеб помнил, как однажды видел на мосту целый обоз цветных повозок с музыкантами. На одной сидела женщина с золотыми кольцами в ушах и играла на маленьком инструменте, похожем на грушу.

Он тогда ещё служил в армии.

Женщина улыбнулась ему.

Он даже не помнил её лица. Только кольца и музыку.

А ведь случилось это больше десяти лет назад.

Теперь по мосту возили муку, дрова, раненых из лазарета и иногда солдат, направлявшихся к границе.

Глеб остановился посреди настила, перенёс вес с одной ноги на другую.

Под сапогом негромко треснуло.

— Вот зараза, — пробормотал он.

— Чего? — крикнул Тим с берега.

— Ничего. Доски подавай.

— Какие?

— Которые хорошие.

Мальчишка посмотрел на кучу старого леса возле дороги.

— Тут таких нет.

Глеб хотел ответить, но услышал стук копыт.

Со стороны мельницы показалась телега.

Впереди шла старая гнедая кобыла с белой звездой на лбу. На облучке сидел Савелий. Кутаясь в овчинный тулуп, он погонял лошадь коротким кнутом и что-то сердито бормотал.

Глеб поднял руку.

— Савелий! Стой!

Мельник не услышал.

Или сделал вид.

— Савелий, мать твою!

Тот натянул поводья.

— Чего разорался?

— Разворачивайся.

— С какой стати?

— Мост закрыт.

Савелий посмотрел на настил, потом на Глеба.

— Опять?

— Не опять. Теперь совсем.

— Мне муку в город везти.

— Через брод.

— Там телега сядет.

— Тогда оставь на том берегу, потом перенесём.

Мельник сплюнул.

— Ты мне предлагаешь сорок мешков на горбу таскать?

Глеб подошёл к телеге.

Савелий был старше его лет на семь. Большой, широколицый, с красными прожилками на носу. Когда-то его можно было услышать с другого конца площади: смеялся он громко и ругался ещё громче.

В последнее время больше ругался.

— Тут балка сгнила, — сказал Глеб. — Не выдержит.

— Ты мне это в прошлом году говорил.

— В прошлом году она ещё держалась.

— Значит, и сейчас подержится.

— Савелий.

— Что?

— Разворачивайся.

Мельник долго смотрел на него.

— У меня заказ из лазарета, — сказал наконец. — Три мешка муки. Им к вечеру хлеб нужен.

Глеб промолчал.

— Вчера приходила старшая сестра. Говорит, опять раненых привезли. Сорок человек. Хлеба на всех нет.

— Знаю.

— Если знаешь, так с дороги уйди.

Глеб посмотрел на телегу.

Воз был тяжёлый. Мешки лежали в три ряда, прикрытые промокшей рогожей. Колёса старые, одно заметно косило.

— Сгружай половину, — сказал он. — Перевезём по частям.

— И сколько времени потеряем?

— Меньше, чем если лошадь утопишь.

— Воды-то по колено.

— Я не про воду.

Савелий перевёл взгляд на настил.

На секунду в его лице появилось сомнение.

Потом он снова разозлился.

— Двадцать лет у нас война, — сказал мельник. — Двадцать лет я каждый день слышу, что надо потерпеть. Последнюю лошадь в армию забрали, железо забрали, старшего сына забрали. Теперь мост развалился. Может, мне самому в реку лечь, чтобы другим удобнее было?

Глеб ничего не ответил.

Савелий поднял кнут.

— Посторонись.

Глеб взял кобылу под уздцы.

— Не пущу.

Мельник побагровел.

— Руки убери.

— Нет.

— Ты мне кто такой, чтобы приказывать?

Вопрос был простой.

Глеб мог ответить, что городской совет назначил его дорожным мастером. Что за безопасность переправы отвечает он. Что Савелий сам приходил к нему прошлой зимой и просил укрепить опоры.

Но говорить об этом не хотелось.

— Убирай телегу, — повторил он.

Мельник слез с облучка.

Они оказались друг против друга.

Савелий был крупнее. Глеб — немного выше.

Некоторое время оба молчали.

Потом мельник сказал:

— Ты думаешь, я не понимаю, что мост плохой?

— Думаю, понимаешь.

— А муку кто повезёт? Король?

Тим на берегу тихонько прыснул.

Савелий резко повернулся.

— А ты чего зубы скалишь?

Мальчишка сразу посерьёзнел.

— Ничего.

— Вот и молчи.

Глеб отпустил уздцы.

— Хорошо. Сейчас Тим принесёт верёвку. Снимем мешки, перетащим по одному. Ты останешься с лошадью.

— А потом?

— Потом через брод проведёшь пустую телегу.

— А мешки?

— Погрузим обратно.

Мельник посмотрел на него с таким выражением, будто Глеб предложил перенести реку в другое место.

— Сорок мешков.

— Сорок.

— По одному.

— По одному.

Савелий помолчал.

Затем тяжело вздохнул.

— Ладно. Давай.

Глеб уже повернулся к Тиму, собираясь позвать его, когда снизу донёсся глухой треск.

Он замер.

Такой звук он слышал один раз.

Много лет назад, при осаде Тарнской крепости, когда тяжёлая осадная башня переломилась посередине и рухнула вместе с людьми.

Дерево ломалось одинаково.

Глеб резко обернулся.

— Савелий! Лошадь назад!

Но кобыла, испуганная криком, дёрнулась вперёд.

Переднее колесо телеги оказалось на мосту.

Глеб успел схватить поводья.

Под ногами прогнулась доска.

Мост хрустнул.

Кобыла вскинула голову, заржала и рванулась в сторону. Копыто провалилось между двумя досками. Передняя нога подвернулась, животное рухнуло грудью на настил.

Глеб отскочил.

Савелий упал на колено, ударившись о край телеги.

Один мешок сорвался и упал в реку.

Мост ещё раз скрипнул, уже тише, и замер.

Всё произошло за несколько мгновений.

Глеб слышал тяжёлое дыхание кобылы, плеск воды и то, как Савелий пытается подняться, ругаясь сквозь зубы.

— Тим! С берега не сходить!

Мальчишка стоял неподвижно.

— Я понял!

Глеб осторожно приблизился к лошади.

Кобыла лежала на боку. Задние ноги дёргались, передняя была вывернута под неправильным углом. Возле копыта быстро темнела кровь.

Савелий опустился рядом с ней.

— Ну, девочка. Ну, хорошая.

Он гладил её по шее, пытаясь успокоить.

Кобыла водила глазами, хрипела и снова пыталась подняться.

Глеб присел.

Одного взгляда хватило.

— Савелий.

— Сейчас. Сейчас встанет.

— Не встанет.

— Помолчи.

— Ногу сломала.

— Я вижу!

Мельник сорвался на крик.

Глеб отступил.

Савелий продолжал гладить кобылу.

— Ну что ты, глупая. Не дёргайся. Лежи.

Потом посмотрел на Глеба.

— Может, шину?

Тот покачал головой.

— Не поможет.

— А если лекаря позвать?

Глеб ничего не сказал.

Савелий посмотрел на лошадь.

Потом на мешки с мукой.

Потом снова на лошадь.

Лицо его изменилось.

Он вдруг стал похож на старика.

— Это же последняя, — тихо произнёс он.

Глеб присел рядом.

— Знаю.

— Первую весной в армию забрали. Вторую осенью. Помнишь, рыжую?

— Помню.

— За неё расписку дали. Сказали, после войны стоимость возместят.

Он невесело усмехнулся.

— После войны.

Кобыла дёрнулась.

Савелий крепче обхватил её голову.

— Тише. Тише, моя хорошая.

Глеб положил руку ему на плечо.

— Надо заканчивать.

Мельник не ответил.

Прошла минута.

Может, две.

Наконец Савелий медленно кивнул.

— Только быстро.

Глеб достал нож.

— Отойди.

— Я останусь.

— Савелий.

— Я сказал, останусь.

Глеб посмотрел ему в глаза.

Не стал спорить.

✦ ✦ ✦

Когда всё закончилось, Савелий долго сидел возле лошади.

Снег ложился на её тёплый бок и таял.

Тим стоял в нескольких шагах. Он не плакал, только всё время переминался с ноги на ногу и смотрел на Глеба, будто ждал каких-то указаний.

Глеб вытер нож, убрал его в ножны.

— Принеси рогожу, — сказал он.

Тим бросился к телеге.

Глеб накрыл кобыле голову.

Савелий поднялся с трудом. Колени у него дрожали.

— Муку надо доставить, — сказал он.

Глеб посмотрел на него.

— Сегодня?

— Сегодня.

— Посиди немного.

— Некогда сидеть.

Мельник поднял с настила один из мешков.

Попытался взвалить на плечо.

Не смог.

Мешок упал.

Савелий сжал кулаки, отвернулся и несколько раз глубоко вдохнул.

Глеб подошёл, поднял мешок и понёс к берегу.

Он не сказал ни слова.

Тим бросился помогать.

За ними пошёл Савелий.

Так они и работали.

Сначала перенесли муку. Потом сняли с телеги оставшиеся вещи. Вытащили повозку назад, на твёрдую землю, и подперли колёса камнями.

К полудню подошли ещё трое мужчин.

Один — бывший солдат без двух пальцев на правой руке. Второй — городской пекарь, маленький, лысый, с мучной пылью на рукавах. Третий — кузнец, которому недавно исполнилось семьдесят.

Молодых мужчин в Вереске почти не осталось.

Они не спрашивали, что случилось.

Посмотрели на мост, на лежавшую под рогожей кобылу и принялись за работу.

Пекарь принёс две пустые тележки. Кузнец — цепи. Бывший солдат, которого звали Михей, предложил разобрать ограждение и использовать длинные доски как настил для временной переправы.

Глеб согласился.

Они начали разбирать мост с восточного конца.

Работа шла медленно.

Глеб привык к этому.

На войне он командовал людьми, которые могли за ночь построить укрепление, выкопать ров или разобрать половину крепостной стены.

Там были молодые руки. Много рук.

Здесь на каждый тяжёлый брус приходилось трое пожилых мужчин и один мальчишка.

Но никто не жаловался.

Только Савелий время от времени подходил к лошади, приподнимал край рогожи, смотрел и снова уходил.

Глеб делал вид, что не замечает.

✦ ✦ ✦

К середине дня у реки собрались жители.

Принесли горячую воду, хлеб и несколько варёных картофелин. Пелагея из харчевни принесла котелок похлёбки.

Она была высокая, сухощавая, с усталыми серыми глазами. Волосы прятала под тёмным платком. Мужа её убили семнадцать лет назад, старший сын погиб девять лет спустя, а младший служил где-то на южной границе.

От него не было письма уже четыре месяца.

— Ешьте, — сказала она, ставя котелок на камень. — Пока горячее.

Михей первым опустил ложку.

— А мясо где?

— На фронт отправили.

— Всё?

— Всё.

Он попробовал похлёбку.

— И соль туда же?

— Соль завтра отправят. Так что сегодня радуйся.

Тим рассмеялся.

Пелагея налила ему полную миску.

— А ты чего смеёшься? Худой вон, как палка. Ешь.

— Я уже ел.

— Значит, ещё поешь.

Мальчишка спорить не стал.

Глеб сел на перевёрнутую доску, стянул рукавицы и поднёс миску к губам.

Похлёбка была жидкая, почти одна вода. В ней плавали кусочки репы, несколько крупинок ячменя и половинка картофелины.

Он съел всё.

Потом собрал хлебом остатки со дна.

Рядом присел Михей.

— Слышал, на юге опять наступление.

Глеб не ответил.

— Вчера из столицы обоз шёл. Погонщик говорил, войска собирают.

— Погонщики многое говорят.

— Думаешь, врут?

— Думаю, сами не знают.

Михей хлебнул похлёбки.

— Сын у меня там.

Глеб повернулся к нему.

— Старший?

— Младший.

— А старший?

Михей посмотрел на пустую миску.

— Седьмой год как в земле.

Глеб кивнул.

Об этом он знал.

Но иногда Михею хотелось произнести это вслух.

— Младшему девятнадцать, — продолжал тот. — Когда война началась, его ещё на свете не было. А теперь сам воюет.

Он усмехнулся.

— Я ему рассказывал, как раньше жили. Что можно было в столицу съездить без пропуска. Что на ярмарке торговцы с той стороны границы приезжали. Что люди из разных королевств вместе пиво пили.

Михей помолчал.

— Он мне не верит.

— Почему?

— Говорит, если они наши враги, зачем мы с ними торговали?

Глеб задумался.

— И что ты ответил?

— А что тут ответишь? Сказал, раньше врагами не были.

— А он?

— Спросил, почему стали.

Михей опустил глаза.

— Я не знал, что сказать.

Они некоторое время молчали.

С другого берега доносились удары топора. Кузнец подгонял опору для временного настила.

Михей вздохнул.

— Когда война начиналась, мне двадцать семь было. Помню, как объявили. На площади музыку играли. Народ флаги повыносил. Девки цветами солдат осыпали.

Он усмехнулся.

— Моя тогда ещё живая была. Смеялась, говорила, к осени вернёмся.

— Многие так думали.

— А ты?

Глеб долго смотрел на реку.

— И я.

Михей кивнул.

— Вот ведь дураки были.

Глеб не возразил.

По ту сторону моста Тим пытался поднять тяжёлую доску. Доска соскользнула, ударила его по ноге. Мальчишка громко выругался.

— Тимофей! — крикнула Пелагея.

— Чего?

— Я тебе язык с мылом вымою!

— Да я про доску!

— А доска тебя слышит?

Мужчины засмеялись.

Даже Савелий, сидевший на телеге, едва заметно улыбнулся.

Глеб смотрел на них и вдруг подумал, что война отняла у людей почти всё, но не смогла отнять привычку смеяться над чужой глупостью.

Может быть, потому они и продолжали жить.

✦ ✦ ✦

После обеда работа пошла быстрее.

Кузнец принёс длинные железные скобы, оставшиеся от разобранного амбара. Михей нашёл несколько крепких брёвен. Их положили поперёк узкого участка реки, где течение было слабее.

Получилась временная пешеходная переправа.

Неказистая, без перил.

Но человек мог перейти.

Савелий первым перенёс по ней мешок муки. Глеб стоял посередине и придерживал настил, пока мельник осторожно переставлял ноги.

На противоположном берегу тот опустил мешок и вытер лицо рукавом.

— Держится.

— Пока да, — ответил Глеб.

— А телега?

— Телегу завтра через брод переведём.

— Без лошади?

— Найдём, кто запряжёт.

Савелий горько усмехнулся.

— Кого? Тебя?

Глеб посмотрел на него.

— Если надо будет.

Мельник открыл рот, но ничего не сказал.

Вместо этого подошёл и крепко пожал ему руку.

— Ладно.

Больше они об этом не говорили.

К вечеру облака опустились совсем низко. Снег пошёл гуще, засыпая инструменты и доски. Работающие люди двигались медленнее, чаще останавливались, растирая замёрзшие руки.

Глеб решил заканчивать.

— На сегодня хватит.

Тим сразу выпрямился.

— А завтра?

— С утра продолжим.

— Во сколько?

— Когда рассветёт.

Мальчишка вздохнул.

— Можно хоть раз после рассвета?

— Можно.

— Правда?

— Когда мост построим.

Михей хмыкнул.

— Глеб, ты его так до старости замучаешь.

— Ему полезно.

— Ага. Мне тоже в армии говорили, что полезно.

Тим, довольный поддержкой, широко улыбнулся.

Глеб начал собирать инструменты.

Он уже складывал клещи в ящик, когда с южной дороги донёсся конский топот.

Несколько всадников.

Глеб не придал бы этому значения, если бы не увидел их плащи.

Тёмные, с жёлтым полем на плече.

И чёрным вороном.

Он медленно выпрямился.

На дороге показались четверо солдат и молодой офицер.

Лошади были хорошие, ухоженные, явно не из местного гарнизона. Сёдла новые. На оружии не видно ржавчины. Солдаты ехали ровно, соблюдая расстояние, будто до сих пор находились на строевом смотре.

Глеб узнал их ещё издали.

Южный пограничный корпус.

Его прежняя служба.

Десять лет прошло с тех пор, как он снял офицерскую форму. За это время он научился класть камень, различать хорошую древесину и заранее понимать, какая дорога не переживёт весеннего разлива. Но при виде чёрного ворона на жёлтом поле всё это на мгновение показалось чужой жизнью.

Он опустил глаза на ящик с инструментами.

Потом поднял его.

— Тим.

— Чего?

— Иди домой.

— А инструменты?

— Я сам.

Мальчишка посмотрел на всадников.

— Это кто?

— Солдаты.

— Я вижу.

— Тогда чего спрашиваешь?

Тим помолчал.

— Они к нам?

— Не знаю.

Глеб взял ящик под мышку и направился к дороге.

Он шёл не спеша.

Спина болела. Правая нога ныла от холода. На ладонях под старыми мозолями появились новые, и рукоять ящика неприятно тёрла кожу.

Ничего необычного.

Обычный конец рабочего дня.

Только сердце почему-то билось чаще.

Всадники остановились возле моста.

Молодой офицер первым спешился.

— Добрый вечер. Где здесь найти Глеба Воронцова?

Михей повернулся к Глебу.

Тим тоже.

Глеб поставил ящик на землю.

— Нашли.

Офицер подошёл.

На вид ему было не больше двадцати пяти. Светлые волосы аккуратно подстрижены, плащ застёгнут на все пуговицы. На поясе висела сабля с потёртой рукоятью, но ножны были почти новые.

— Лейтенант Корд, — представился он. — Третий полк Южного корпуса.

Глеб молча кивнул.

— Вы бывший капитан Глеб Воронцов?

— Был когда-то.

— У меня распоряжение из королевской канцелярии.

Офицер достал из-за пазухи сложенный пергамент.

Глеб посмотрел на печать.

Чёрный ворон.

Только теперь не на жёлтом поле.

На красном воске.

Он давно не видел таких печатей.

Слишком давно.

— Прочитайте, — сказал Глеб.

Лейтенант удивился.

— Вы можете сами.

— Могу.

— Тогда почему...

— Потому что руки грязные.

Корд посмотрел на его ладони.

Под ногтями была земля. На пальцах — смола, сажа и засохшая кровь лошади.

Офицер развернул документ.

— «Бывшему капитану Южного пограничного корпуса Глебу Воронцову предписывается немедленно прибыть в крепость Долгий Камень для исполнения особого государственного поручения...»

Глеб слушал.

Снег ложился на плечи.

Позади шумела река.

Михей и Савелий стояли чуть поодаль. Тим не ушёл, несмотря на приказ. Он прислонился к ограждению и с любопытством наблюдал за солдатами.

Лейтенант продолжал читать.

— «Ввиду исключительной важности поручения и особых обстоятельств дела отказ от исполнения не допускается...»

— Кто подписал? — перебил Глеб.

— Советник королевской канцелярии.

— Имя.

Корд перевернул лист.

— Астор Рейх.

Глеб закрыл глаза.

Не надолго.

Всего на одно мгновение.

Но этого хватило.

Перед ним снова возникла старая дорога, залитая летним солнцем.

Пыль на сапогах.

Запах горячей кожи.

Человек в сером мундире, стоящий возле походного стола.

«Приказ простой, капитан. Деревню не выпускать. Никого».

Глеб открыл глаза.

Лейтенант ждал.

— Вы знаете советника? — спросил он.

— Знал.

— Значит, понимаете важность поручения.

— Нет.

Корд нахмурился.

— Простите?

Глеб посмотрел на мост.

На разобранные балки.

На людей, которые завтра снова придут работать, хотя им никто за это не заплатит.

На мальчишку, ещё не успевшего вырасти, но уже научившегося поднимать тяжёлые доски и ругаться, как старый солдат.

— Мне завтра мост чинить, лейтенант.

Офицер растерялся.

— Боюсь, вы не поняли. Это приказ.

— Понял.

— Вы обязаны отправиться с нами.

Глеб некоторое время молчал.

Потом спросил:

— Сколько вам лет?

— Двадцать пять.

— На войне были?

— Я служу четыре года.

— Я не это спросил.

Корд выпрямился.

— Нет. Пока не довелось.

Глеб кивнул.

— Тогда хорошо запомните, что я скажу. Когда вам будут объяснять, что приказ необходимо выполнить любой ценой, сначала узнайте, кто эту цену заплатит.

Офицер покраснел.

— Я не нуждаюсь в наставлениях.

— Тогда забудьте.

Глеб поднял ящик с инструментами.

— Завтра поговорим.

Он пошёл к берегу.

— Воронцов! — окликнул Корд.

Глеб остановился.

— Вы не имеете права просто уйти!

Он медленно обернулся.

— Лейтенант, я двадцать лет слушаю, кто на что имеет право. А сейчас у меня ноги замёрзли и спина болит. Хотите меня арестовать — арестовывайте. Только сначала помогите этим людям мост разобрать, пока кто-нибудь ещё не убился.

Корд не нашёлся что ответить.

Глеб повернулся и пошёл дальше.

Тим догнал его у дороги.

— Глеб!

— Чего?

— Ты правда капитаном был?

— Был.

Мальчишка посмотрел на него с неподдельным удивлением.

— Настоящим?

— Нет, деревянным.

Тим засмеялся.
Потом снова стал серьёзным.
— А почему никому не говорил?
Глеб поправил ремень сумки.
— Не спрашивали.
— Я спрашивал!
— Ты спрашивал, убивал ли я людей.
— Ну да.
— Вот я тебе и ответил.
Они шли рядом.
Снег скрипел под сапогами. Из домов тянуло дымом. Где-то за кузницей лаяла собака.
Некоторое время Тим молчал.
Потом осторожно спросил:
— А капитаны много людей убивают?
Глеб посмотрел на него.
Вопрос прозвучал без страха и без осуждения. Мальчишке просто хотелось знать.
— Иногда, — ответил он, — капитану даже не приходится самому никого убивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.